

Додик отшатнулся и как-то вмиг стал ниже ростом. Он повернулся и понуро пошел по длинному коридору в свою комнату. Его лыжная шапочка мерно раскачивалась в такт шаркающим по паркету тапочкам.

— Хорошо вымой! — ударила ему в спину Сонечка.

Через несколько дней стало совершенно ясно, что Додик поспешил с выпиской, но возвращаться в больницу отказался наотрез. Он почти перестал выходить из дальней комнаты и не выпускал из рук стаканчик со своими камнями.

Сонечка, которую больше никто не решался тащить на прогулки и не заставлял передвигаться по квартире, к великому своему удовольствию все время проводила в постели. Когда ей было что-то нужно, она звала меня:

— Где ты? Иди сюда. Я писать хочу. Иди сюда.

— Ты где? Как там тебя? Неси обед...

Додик, отслужив свой срок, бесполезной вещью сидел в дальней комнате. Каждый раз, когда

Сонечка звала меня, он с надеждой вслушивался в ее голос. Но Сонечка, очень быстро поняв, что от Додика больше нет никакого проку, вовсе не вспоминала о муже.

— Что, так и не разговаривают? — спросила меня тетя Лида.

— Нет, — ответила я. —

Он о ней ничего не спрашивает, она о нем тоже.

— Так дело дальше не пойдет, — задумчиво произнесла тетя Лида. — Знаешь что, послезавтра у Додика день рождения. Давай-ка мы на стол накроем, сядем все вместе и помирим их!

— Думаете, из этого что-то получится? — засомневалась я. — Да у Додика и диета строгая, ему ж ничего нельзя.

— Я запеканку творожную приготовлю, кремом легким каким-нибудь украшу и фруктами. Чем не торт?! — явно довольная своей идеей, воскликнула тетя Лида. — Решено. Так и сделаем! Помирятся! Никуда они у меня не денутся. В первый раз, что ли, я их мирю!

И вот с утра тетя Лида колдует на кухне у плиты. Сонечка, со-

блазненная именинным тортом, согласилась встать с кровати и обедать за столом. А Додик как-то растерянно затих в своей комнате. В назначенный час тетя Лида отправилась в большую комнату за Сонечкой, а я в дальнюю за Додиком.

— Я не знаю, что мне надеть, — сказал он, стоя перед открытым платяным шкафом. — Костюм, конечно, надевать не стоит, но и в халате появляться негоже.

— Я думаю, что вот эти брюки и голубая рубашка, — посоветовала я. — Голубую рубашку обязательно. Она вам очень идет!

— Правда? — встрепенулся Додик. — Пожалуй, ты права.

Нагнуться Додиду было еще больно. Швы после операции почему-то долго не заживали.

— Я помогу вам, — предложила я. — Да вы не стесняйтесь.

— Поможешь? Мне? — удивленно спросил Додик.

— Конечно, — ответила я. — А что тут такого?

— Давид, Вера! Идите за стол! — позвала нас тетя Лида. — Вы готовы? Скоро там?

Додик как-то бестолково заметался по комнате, а затем, посмотрев на себя в зеркало, воскликнул:

— Побриться... побриться забыл! Вера, ты знаешь, где моя бритва? — спросил он, беспомощно глядя мне в глаза.

— Да вот же она, — ответила я, протягивая электробритву.

— Ну, чего вы копаетесь? — спросила тетя Лида, заглядывая в комнату.

— Лид, я это... — виновато пробормотал Додик. — Я побриться забыл.

— Ой! Красавец, Давыд! Красавец! И рубашка в цвет глаз! — Тетя Лида по-свойски оглядела смущенного Додика со всех сторон.

— Вер, ты побрей его сама. Так быстрее будет. Соня уже за столом сидит, — сказала мне тетя Лида. — А я пока за соком в киоск сбегая. И шапочку лыжную у него с головы сними. А то ж что это за новорожденный в лыжной шапочке! Верно? — подмигнула она совсем обалдевшему от всей этой суеты Додику.

Додик волновался, словно жених перед свадьбой. Осторожно переступив порог своей комнаты, он направился в кухню. Но дело это оказалось не простым. Болезнь и долгое сидение в одинокой келье сделали свое дело. Ноги Додика предательски дрожали и цеплялись на каждом шагу за бесконечные ящики и тумбочки, которыми был заставлен коридор. Додик держался правой рукой за бок, а левой рукой опирался на меня. И вот когда путь уже почти был близок к концу, зазвонил телефон.

— Это Костик! — сказал Додик, без сил оседая на дорожный антикварный стул.

— Телефо-он! Трубку возьмите! Телефо-он! О, Хосспади, Хосспади, Хосспади!.. — вопила из кухни Сонечка.

Додик принял трубку из моих рук и тяжело выдохнул:

— Да, сынок! Здравствуй! Все хорошо... спасибо, родной... Да, конечно, я понимаю... береги себя... спасибо еще раз, спасибо...

Додик вернул мне трубку. Промокнув платком наверху слезы и вспотевший лоб, он с трудом поднялся и, сделав последние шаги, застыл. Сонечка, придвинув к своей неотбрыгаемой груди общую салатницу, с аппетитом уничтожала ее содержимое, заедая большим куском, отломанным от именинного пирога.

— Тебя пока дождешься — с голодудохнуть можно, — сказала она с набитым ртом. — Лидка вон наготовила всего... Садись. Шо там Костик? Он купил мне прополис? Мне это нужно по диабету.

Додик стоял на пороге кухни и молча смотрел на свой истерзанный именинный пирог. Потом он повернулся и так же медленно, держась за правый бок и опираясь на мою руку, вернулся в свою комнату.

Вернулась тетя Лида, долго шумела на Сонечку, гремела посудой и клялась, что ноги ее в этом доме больше не будет. Потом она принесла Додику аккуратно обрезанные и красиво уложенные на тарелке кусочки пирога. Додик посмотрел на меня и спросил:

— Будешь?

— Конечно, — ответила я.

В этот вечер мы молча сидели с Додиком на его кровати. Между нами стояла тарелка с обломками его дня рождения. Мы по очереди брали кусочки руками. Додик ел свой именин-

ный пирог, запивая горькими слезами, которые медленно, одна за другой, катились по его чисто выбритым щекам.

* * *

Тяжелые волны гонят к моим ногам черную пену, которая обжигает нестерпимым жаром. Я карабкаюсь вверх по крутому склону, но волны настигают меня. Черная пена превращается в тлеющие угли. Они заполняют все, что только можно видеть вокруг. Назад для меня дороги уже нет, но и в гору мне самой не подняться. Силы мои на исходе. Обреченно, в последний раз я бросаю взгляд на крутую каменистую тропинку, которая вьется серпантинном по склону горы. И вот я вижу, как по этой тропинке ко мне спускается мужчина. Его босые мощные ступни уверенно идут по земле. Лица его я не вижу, но понимаю, что для меня это сейчас неважно. Важно, что это шанс выжить и послан он именно мне.

Мужчина протягивает свою огромную сильную руку, на которой я отчетливо вижу массивное серебряное кольцо с разинутой пастью льва. Львиный оскал не пугает меня. Это защита, и теперь не нужно чего-то бояться. Все страшное уже позади. Я вверяю свою руку неизвестному покровителю, и мы уверенно поднимаемся в гору. Огненные волны остались далеко внизу. Их жар уже не причинит мне боли.

Тропинка под нашими ногами становится мягче. Теперь она не каменистая, а песчаная и рыхлая. Я смотрю на ступни моего спутника и вижу, как с каждым его шагом тропинка осыпается и становится все уже и уже. Еще несколько шагов — и по ней

будет невозможно идти. Мы останавливаемся и смотрим вниз. Пропась, у которой нет дна. А тропинка уже осыпается и под нашими неподвижными ногами.

Но вот старческая рука с волосатыми пальцами и пожелтевшими ногтями ложится на мое плечо.

— Вера! Вера, остановись! — Старик настойчиво треплет меня за плечо.

★ ★ ★

— Вера! Вера, проснись! — Додик настойчиво трясет меня за плечо. — Вера, надо вставать.

— Что такое? Вам плохо? — ничего толком не понимая спросонья, спрашиваю я. — Или с Сонечкой что-то?

— Нет. С нами все нормально, — ответил Додик, поправляя на голове лыжную шапочку. — Тебе срочно домой ехать надо. Лида звонила.

— Куда ж я поеду? — растерянно спрашиваю я. — Ведь ночь на дворе.

— Первый трамвай пойдет через пятнадцать минут. Собирайся. — И с неподдельной горечью в голосе добавил: — У тебя беда в доме.

Я одеваюсь молча. Прямо при Додике натягиваю джинсы и свитер.

— Ключи от квартиры не забудь и паспорт, — подсказывает мне Додик. — На вот, денег возьми, — протягивает он мне свой кошелек.

— Зачем? — спрашиваю я.

— Бери, говорю, — настаивает Додик, — и... и возвращайся потом сюда.

Руслан и Китаец задохнулись от дыма. Чья именно сигарета первой прожгла матрас, теперь уже не узнать. Их сгубила одна

беда, смерть они приняли вместе на одном диване и последний приют обрели бок о бок на одном кладбище.

Три дня прошли как в тумане. Тетя Лида водила меня по каким-то кабинетам. Я что-то подписывала. Затем я получила какие-то бумаги, и мы вошли в огромный зал, заполненный гробами и искусственными цветами. Я опять что-то подписываю, отдаю деньги. Откуда они у меня? Не знаю. Меня укладывают в постель. Сплю я или нет, понять не могу. Все происходящее — один сплошной ужасный сон.

И вот две свежие могилы приняли своих постояльцев. Кто-то обнимает меня, сопливо плачет на моем плече, кто-то обещает быть рядом. Наконец все затихает и отходят от меня на несколько шагов. Я остаюсь одна на краю могилы. Свежевыкопанная песчаная земля осыпается под моими ногами. Я бросаю ком земли на гроб моего брата и отступаю от могильной пропасти. На ватных ногах я стараюсь отойти в сторону, но кладбищенская земля забирает у меня последние силы.

Женя, этот взрослый чужой мужчина, не дает мне упасть. На его большой сильной руке я вижу знакомое кольцо. Рычащий лев приветствует меня и закрывает собой от бед. Я невольно посмотрела на ноги Жени. Неужели он босиком? Ну, нет же. Добротные, начищенные до блеска ботинки уверенно выводят меня на асфальт. Он усаживает меня на заднее сиденье машины, как ребенка заботливо пристегивает ремнем, ставит мою сумочку мне на колени и захлопывает дверь.

Рядом со мной садится мама Жени. Тетя Лида спокойна и деловита.

— Ничего, девочка, — утешает меня она. — Жизнь на этом не заканчивается. Кто знает, до какой беды мог дойти твой Руслан, если б его Бог не прибрал? Там, — указала она глазами на небо, — виднее, кого и когда призвать. Пусть отдыхает с миром. Царствие ему небесное.

Знакомой дорогой мы подъезжаем к нашему дому. И тут меня охватывает ужас. Я хватаю тетю Лиду за руку и умоляю:

— Я не пойду домой! Не могу, понимаете...

— Ну что ты, дурочка! — успокаивает меня она. — Мы к нам поднимемся, помянем новопреставленных. Ну, полагается так. Я приготовила все... посидим, а потом тебя Женька к старикам отвезет. Поживешь там, пока мы тут с ремонтом упрямимся, успокоишься, да и денег подзаработаешь. А дальше сынок мой о тебе позаботится.

— Ой, тетя Лид! Я вообще не знаю, как мне дальше жить, что делать...

— Зато я знаю, — слышу я в ответ и безвольно иду за ней следом.

Я возвращаюсь к Додик и Сонечке. Тягостное, липкое молчание повисло в их доме. Но все же это лучше, чем закопченные стены моей квартиры, пропитанные дымом и смертью. Сонечке я служу, а с Додиком мы дружим.

Вечером, когда заканчиваются дневные хлопоты и Сонечка засыпает, Додик стучится в мою комнату. Он садится на обшарпанный венский стул, ставит на краешек стола пластиковый стаканчик со своими камнями. Стаканчик оказался не очень надежным убежищем для камней. Он быстро потрескался и мог лопнуть в любой момент.

— Их надо переложить в какую-нибудь красивую коробочку, — предложила я. — Я похожу по магазинам и поищу подходящую.

Додик согласно кивает головой и терпеливо ждет, пока я приготовлю чай. Пьем мы его в моей комнате, за тем самым столом, за которым много лет назад маленький Костик ел свою первую кашу, делал уроки, переписывал у однокурсников конспекты.

Иногда Додик приносит с собой альбом со старыми фотографиями и мы рассматриваем их. Я сижу тихо, а он молча разговаривает с каждым, кого сохранила фотобумага. Иногда он улыбается, иногда хмурится, иногда плачет.

Вечерний чай окончен. Я помагаю Додику вернуться в его комнату. Мы желаем друг другу спокойной ночи, и до утра каждый из нас остается наедине со своим прошлым.

Беда всегда приходит неожиданно. И для этого дома она не стала делать исключения. Додик поднял страшный переполох с самого утра.

— Вера, где мои камни? Куда ты их поставила?

— Да у вас они, — недоуменно отвечаю я. — Вы же их из рук не выпускаете.

— Я был в туалете, а потом, когда вернулся, они исчезли, — сокрушенно отвечает Додик.

— Не расстраивайтесь вы так, — стараюсь я утешить старика. — Из дома ведь никто не выходил, значит, и камни ваши здесь. Вы просто забыли, куда поставили стаканчик.

Но Додик был безутешен. С неизвестно откуда взявшимися силами он перевернул вверх дном всю квартиру. В результате поисков был найден лишь пустой пласти-

ковый стаканчик, а камни исчезли бесследно. Единственным необследованным местом оставался лишь плюшевый трон Сонечки. Додик, пересилив свою обиду, все же решил нарушить более чем трехнедельное молчание и подошел к жене:

— Соня, пересядь, пожалуйста, на диван.

Сонечка отвела взгляд от телевизора и недоуменно спросила:

— Это еще зачем?!

— Я хочу посмотреть, может быть, мои камни здесь, у тебя, — ответил Додик.

— Ты совсем спятил на старости лет, — взвизнула Сонечка. — Ты хочешь искать эту мерзость в моем кресле?!

К моему удивлению, Додик не только не притих после окрика жены. Наоборот, он медленно, но решительно стал надвигаться на нее:

— Значит то, что было внутри меня, — это мерзость?!

— Да, да! Именно так! — выплонула ему в лицо Сонечка.

— Ты пятьдесят лет живешь с мерзостью, ешь со мной из одной тарелки, живешь со мной в одной квартире! Значит, ты тоже мерзость! Такая же, как и я, — вернул ей плевков Додик и сел на банкетку из красного дерева, обитую старинным гобеленом.

— Встань немедленно! — приказала ему Сонечка. — Это восемнадцатый век!

— Ага, щас! — оскалился в ответ Додик. — Восемнадцатый век, говоришь? Я вот сейчас возьму и выкину эту рухлядь с балкона.

Сонечка постепенно покрывалась красными пятнами и не находила в ответ слов.

— Чего глазами хлопаешь? — усмехнулся Додик. — Думаешь, я голос не посмею на тебя повысить?

Вопрос остался без ответа. Додик смолк. Обида и злость съели его последние силы. Ошарашенно молчала Сонечка, перебирая трясущимися руками подол своего халата. Молчала и я, совершенно не зная, как себя вести в данный момент.

— Я всю жизнь прожил для тебя. От всего старался тебя оградить, все для тебя достать. Я ведь всю жизнь все делал за тебя! Я уж не жду любви, но хоть какую-то благодарность под конец жизни я заслужил? Просто человеческое сочувствие? Разве ж нет? — обреченно, уже вполголоса спросил Додик.

— Да, ты все делал за меня. И жизнь мою за меня прожил, — ответила наконец Сонечка. — Ведь это ты усадил меня сюда, — сказала она, указывая на свой плюшевый трон. — И именно ты решил, что должен терпеть от меня безразличие, унижение. Я ведь тебя об этом никогда не просила. Посмотри, во что ты превратил меня своей любовью... И я должна быть тебе за это благодарна? Каждый день своим присутствием ты напоминал мне о моей ошибке. Всю жизнь как кость в горле. Я ж тебя ни проглотить, ни выплюнуть не могу. Представить себе не можешь, как ты мне надоел...

— А Костик? Он же твой сын?

— Ах, Давид... Костик слишком похож на тебя... — ответила Сонечка. — И потом, ты же и от материнства меня оградила, — уже раздраженно добавила она. — Лиду в няньки нанял! Можно подумать, я бы сама со своим ребенком не управлялась! Да что говорить! Уйди с глаз моих долой!

Додик покорно поднялся и ушел в свою комнату. Безмолвие вязкой жидкой кашей вновь растеклось по кварти-

ре. В этот день ни Додик, ни Сонечка не вспомнили ни о завтраке, ни об обеде. После утреннего скандала постучать в комнату Додика я почему-то не решилась, и Сонечка на своем пьедестале была неприступна. Ближе к вечеру наконец-то, объявился Додик.

— Вера! — радостно вопил он. — Вера, ты представляешь, они нашлись! Сонечка, как всегда, была права — я просто старый дурак! Вот, — предъявил мне Додик шикарную палехскую шкатулку, на дне которой красовались его сокровища. — Ты когда сказала про коробочку, я их и переложил сюда. А потом забыл, понимаешь? Просто забыл!

Додик поспешил обрадовать жену. Еще шаркая тапочками по коридору, он возвещал:

— Сонечка, детка! Прости меня, идиота! Сонечка!.. Со-оня! — Голос Додика оборвался, и я поняла, что что-то произошло.

Сонечка, как обычно, восседала в своем кресле. Красные пятна, появившиеся утром на ее лице, исчезли. Лицо стало серым и безжизненным. Глаза с огромными зрачками неподвижно смотрели на телеведущего, который долгие годы обещал ей исцеление от всех болезней и бесконечную жизнь. Додик, как собака, клубком свернулся у ее ног и то ли тихо плакал, то ли скулил. Я метнулась к телефону и, пока вызывала врачей, дозванивалась до Костика и тети Лиды, Додик затих, принеся в палехской шкатулке к ногам своей возлюбленной всю свою преданность и боль. Затих. Теперь уже навсегда.

С вещами я спускаюсь к машине, в которой ждет меня Женя. Во дворе рабочие в оранжевых жилетках выкорчевывают из песочницы прогнивший деревянный грибок, ломают облезлые качели. Они тоже отслужили свое. Я сажусь в машину и впер-

вые смотрю прямо в глаза этому чужому, совершенно незнакомому мне человеку, который готов вести меня по жизни, оберегая от забот и трудностей.

— Евгений, — не без труда начинаю я разговор. — Я очень благодарна вам и вашей маме за поддержку, но... на одной благодарности семью не построить ...

— Как же ты будешь дальше?

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Правда не знаю, но самые важные решения я должна принимать сама и жизнь свою прожить я должна тоже сама.

— Ну что ж... сама так сама, — отвечает он и поворачивает ключ в замке зажигания.

Перед выездом из двора нам приходится притормозить, пропуская два грузовика, доверху заполненных свежоокрашенными скамейками и ярко разрисованными качелями. Двор готовится к новым встречам, из которых, возможно, вновь родится любовь.